

Хотя тон и не был приказным, было слышно, что человек привык командовать и его слово — закон. Психологи говорят, что такие люди часто эгоцентричны и самоуверенны до предела, но еще не перешли грань самовлюбленности. Линь И подумал об этом и покачал головой, с безнадежностью отдавая свой номер телефона. Однако Фан Сюйяо продолжил:

— Можешь подвезти меня?

Линь И начал терять терпение. Ты что, совсем без стыда? — подумал он, подняв бровь.

— А где твой ассистент?

— Уехал.

Сначала он увез сломанный чемодан Линь И, чтобы тот его не увидел.

Линь И промолчал. Ты считаешь меня дураком?

Таким образом, после их первой встречи в новой жизни, Линь И навесил на Фан Сюйяо ярлык: двуличный человек. Хотя он читает эротические журналы, скандалов не было. Судя по прошлой жизни, он строг к себе. Однако у него может быть фетиш к молодым парням или девочкам, так как взрослые мужики, читающие мангу, часто страдают этим!

Фан Сюйяо же считал Линь И загадочным красавцем с характером «таньюань»! С первого взгляда он почувствовал ток. Его мать постоянно настаивала на свадьбе, и теперь, кажется, цель найдена.

Дядя Дун, услышав просьбу Фан Сюйяо, стал еще более настороженным. Однако тот был акционером медиа-холдинга «Тяньи», связанного с семьей И, и старейшина И говорил, что из молодежи он уважает только Фан Сюйяо за его способности и характер. В будущем молодой господин будет часто с ним общаться, и нельзя было терять лицо. Поэтому дядя Дун, подавив беспокойство, вежливо открыл багажник:

— Если по пути, то поедем вместе.

Двое высоких мужчин, Линь И, хоть и худощавый, но не слабый, сели на заднее сиденье, и пространство сразу стало тесным. Когда машина тронулась, их тела неизбежно коснулись. Линь И нахмурился и незаметно отодвинулся.

Фан Сюйяо, казалось, не заметил его попытки отстраниться и с улыбкой спросил:

— Ты веришь в буддизм?

Он почувствовал приятный аромат сандалового дерева, исходящий от Линь И, и заметил на его запястье четки, которые выглядели старыми и простыми.

Линь И посмотрел на свое запястье и задумчиво произнес:

— О да. Это моя мама попросила. Я родился недоношенным, в детстве был слабым, и с тех пор ношу их.

После того как отец выгнал его из дома, из всего имущества у него осталась только эта нитка четок, которую он считал ценностью. Он действительно был выгнан с пустыми руками.

Фан Сюйяо умел вести разговор, избегая острых углов. Когда у Линь И не было приступов

низкого сахара, он был довольно спокойным, и они нашли общие темы. Узнав, что Линь И вернулся, чтобы помогать старейшине И управлять компанией, Фан Сюйяо начал прищурившись изучать его. Похоже, общение будет частым.

Дядя Дун время от времени поглядывал в зеркало заднего вида, замечая, что Фан Сюйяо сегодня особенно разговорчив, и в его голове зародились подозрения. Надо будет научить молодого господина не судить по внешности. Некоторые люди только выглядят как люди, но когда показывают клыки, становятся дикими волками, способными сожрать человека с костями. Очевидно, молодой господин, как и его мать, красив и наивен, и его легко обмануть!

В общем, свои дети всегда лучше. Дядя Дун, который в молодости получил травму и не имел детей, давно считал Линь И своим сыном. Поэтому его отцовские чувства требовали, чтобы всех, кто заглядывался на его ребенка, кастрировали.

Наконец они прибыли к зданию корпорации «Фанжуй». Фан Сюйяо вышел, чтобы забрать багаж, и Линь И последовал за ним. Из вежливости он не мог просто позволить ему открыть багажник и уйти с чемоданом.

Фан Сюйяо, выйдя, серьезно спросил:

— Ты видел, как делают таньюань? Берут квадратный кусочек черной кунжутной пасты, кладут на белую рисовую муку и катят, пока он не станет круглым и белым. Внутри, до варки, он остается квадратным, с острыми углами. Но если его опустить в горячую воду, он растает и станет черным, а если ткнуть палочкой, потечет черная начинка.

Линь И покачал головой, не понимая, к чему это.

— Ты производишь на меня впечатление такого таньюань. Сам думай.

Линь И промолчал.

Пока Линь И был в замешательстве, к зданию корпорации подъехала еще одна машина. Линь И, увидев вышедшего из нее, почувствовал холод в глазах, и его губы сжались, но затем он снова стал таким же спокойным и элегантным, как прежде.

Линь Цзытао вышел из машины и, увидев Линь И, на мгновение замер, а затем нахмурился и с недовольством сказал:

— Вернулся и не поехал домой, куда ты шляешься?

Линь И просто молча смотрел на него. Возможно, его взгляд был слишком явно наполнен насмешкой, и даже Линь Цзытао почувствовал не по себе. Такой Линь И был слишком похож на его жену перед смертью — с тем же сарказмом, презрением и даже отвращением. Линь Цзытао, словно уколотый, резко сказал:

— Ты, неблагодарный сын! Где твое воспитание!

Фан Сюйяо, выйдя с чемоданом, с недовольством посмотрел на Линь Цзытао. Эй ты, как ты смеешь говорить так с человеком, который мне нравится? Даже если ты его отец, это не дает тебе права! Поэтому он резко сказал:

— Директор Линь, какой горячий нрав.

В таком возрасте, а ведешь себя так неприятно. Что бы твой сын ни сделал, он уже взрослый, и называть его неблагодарным — это просто неприлично. Ты что, считаешь, что он тебе ничего не должен? Говорить так — это позор.

Линь Цзытао, увидев Фан Сюйяо, смягчился и с трудом выдавил улыбку:

— А, директор Фан, извините, что вы стали свидетелем этого. Этот ребенок вернулся в страну и даже не поехал домой, я просто хотел его проучить. Не обращайтесь внимания.

Линь И почувствовал отвращение к самому себе. Если бы у него был выбор, он бы предпочел никогда не рождаться, чем иметь такого отца. Выслушав Линь Цзытао, он засмеялся, его изящные черты лица не могли скрыть холод в глазах. Линь И, скрестив руки на груди, прислонился к машине, и его смех заставил Линь Цзытао почувствовать мурашки. Фан Сюйяо, наблюдая за этим, нахмурился. Очевидно, здесь было не всё так просто, как говорили в обществе, и нужно было копнуть глубже.

Да, всё во имя женитьбы!

Закончив смеяться, Линь И спросил:

— С какой стати ты меня учишь?

— Я твой отец! — Линь Цзытао не мог сдержать гнева. С детства он не мог смотреть на Линь И, хотя это был его сын, он не был на него похож ни внешне, ни характером, и это раздражало!

Линь И и Линь Цзытао действительно не были похожи. Линь И унаследовал черты семьи И — изящные черты лица, светлую кожу, мягкость и воспитанность. Семья И была семьей интеллигентов, до бизнеса их предки были педагогами, и даже сейчас старейшина И сохранил эту утонченность.

Видя гнев Линь Цзытао, Линь И вспомнил о его поступках и безжалостно ответил:

— Я всего лишь сын, которого ты выгнал из дома. У тебя же есть другие сыновья, не так ли? Когда меня выгнали, как бродячую собаку, ты не говорил, что ты мой отец. Смешно, что теперь ты пытаешься использовать этот статус против меня. Я вернулся и не собираюсь уезжать. У нас с тобой еще будет время, через несколько дней я приду к тебе и попрошу подписать соглашение о разводе. Я сожгу его для моей матери. То, что не успели сделать при жизни, должно быть завершено после смерти, не так ли?

Линь Цзытао чуть не потерял сознание от ярости. Этот неблагодарный сын! Что это за слова? Он должен был задушить его при рождении, чтобы не видеть!

В этот момент дядя Дун крикнул из машины:

— Молодой господин, поехали домой.

В его голосе звучало нетерпение. Семья И уже полностью вычеркнула Линь Цзытао из своей жизни. С ним даже не хотели разговаривать.